

Карина Иноземцева

Вечность
между нами

Карина Иноземцева

Вечность между нами

<https://litres.ru/74345842>

Аннотация

Он уничтожает империи, поглощает магию, разрушает всё живое. Хотя он и дракон, потерявший крылья, но его сила проникает в разум, подчиняет душу. Единственные, кто способен ему противостоять — это мы с дочкой.

*** — Мам, кого мы должны убить? — Папу, — едва слышно шепчут мои губы, а вслух я говорю: — Поработителя!

*от ненависти до любви

*жестокий истинный герой (дракон, потерявший крылья и обозленный на весь мир)

*одержимость *развитие героини (от наивной принцессы до Императрицы, а позже, изгнанницы)

*ХЭ гарантирован *книга пишется в рамках литмоба "Во мраке истинности"

Содержание

1. Начало ставшее концом	4
Воспоминания о былом	12
Первое нет	22
Сближение	32
Ненависть врага	39
Кристаллы	46
Кровь	54
Стон	61
Сила	69
Холод рядом	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

1. Начало ставшее концом

Две фигуры неспешно шли по высохшему полю, которое совсем недавно цвело и пахло, приманивая множество насекомых. Пыль из-под ног взвивалась и оседала на плащах, пачкая и без того грязную одежду. Где-то в высоте загудел мотор патрульного дирижабля. Высокая фигура натянула капюшон на нос и поторопила отстающую. Долгая дорога по пустынной, потерявшей все живительные силы земле не делает людей счастливыми, а тем более красивыми. В воротах города появились две серые девушки: высокая, выглядела измученной, а серое лицо и мышиный цвет волос старил. Вторая была совсем юной, не познавшей тягот девицы тринадцати лет. Стражники в кожаных костюмах с железными конструкциями на руках, усиливающими их физическую силу, осмотрели их скудную поклажу: пару штанов и рубах. Взять с бедняков было нечего, а приказ Императора: открыть ворота беженцам, связывал им руки.

Когда пыльная пустошь скрылась за железными створками, а чёрный дым от мотора проезжающего экипажа, скрыл две фигуры, невысокая спросила:

— Мам, кого мы идём убивать?

— Папу, — едва слышно шепчут женские губы, а вслух было сказано лишь: — Поработителя.

Взгляд серых линз устремился на огромную башню,

шпиль которой исчезал в пропахшей копотью вершине. Женщина чувствовала присутствие супруга столь явно, словно прыгнула в бочку с сороконожками. Всё тело будто липкие маленькие ножки окружили и пытаются забраться под кожу, вонзить жало в темечко и высосать волю. Поработить, подчинить чужой воле и сделать безупречной рабой — вот о чём мечтает Император.

— Мам, — подросток уже прилип к прилавку со сладостями и смотрел, как за толстым стеклом в пышущей копотью печи готовят пончики. — Давай возьмём, — умоляющий взгляд был способен растопить лёд и женщина поддалась.

— Купим навынос, — сдалась ледяная королева, передёрнув плечами от противного ощущения попытки чужого вмешательства в мозг. Она брезгливо взглянула на висящий за толстым стеклом кристалл, который сейчас был лишь украшением, а когда-то...

Через некоторое время, в маленьком номере на втором этаже девочка уплетала сладкий пончик, едва успев помыть руки пропахшей гнилью водой из прогнивших труб. В это время женщина смывала с себя пыль и копоть. Вода с шумом бежала в железную кадку, и на счётчике быстро заканчивалась предоплата. Смыв серость, в грязном зеркале отразилось молодое светлое лицо, а белые волосы напитались живительной влагой и лежали на плечах молодой хозяйки. Вот только взгляд до сих пор оставался неживым, тяжёлым, холодным, словно тысяча лет лежала за пустотой зрачков.

Передёрнувшись, незнакомка тронула свою голову, словно пыталась отогнать надоедливый шум, который становился всё громче. Губы поджимались, прекрасно понимая, что тот, за кем она идёт, скоро явится сам. Ей не нужно даже думать, как пробраться в его охраняемый замок. Не нужно строить великие планы по захвату заложников. Всё слишком просто. Просто только сейчас. Спустя несколько десятилетий после множества неудачных попыток убийства.

— Мам? — девочка удивилась, увидев мать в её первозданном облике.

Даже серые линзы были выкинуты в мусор, а на теле матери была нерастянутая рубашка и мешковатые штаны, а прилаженный жилет и легинсы. Женщина выглядела как девочка, совсем маленькая, юная и прекрасная. Словно родительница готовилась к долгожданной встрече с любимым и хотела выглядеть, как прекрасный цветок.

— Дочь, купишь себе ещё пончиков? — путешественница вложила в маленькую ручку остаток средств и улыбнулась.

Она хотела запомнить лицо той, кого любила больше жизни. Бесцветные зрачки впитывали образ самого светлого существа во вселенной и прощались навсегда.

Скоро. Он совсем скоро ворвётся в тихую и размеренную жизнь. Теперь по спине женщины бегал холодок. Он уже прочёсывает ближайшие окрестности, как крыса мусорную свалку. Он идёт на встречу, словно пёс-ищейка за наградой.

— Ага, — тонкий подросток вскакивает с кровати и

несётся на выход, исчезая за дверью в новом городе, с новым лицом и новой личностью.

— Она уже взрослая, — женские губы дрожат, словно уговаривают сами себя не поддаваться нахлынувшим эмоциям и не показывать панику перед...

Дверь срывается с петель, пролетает до стены и оставляет отпечаток в каменной кладке. Щелчок огнестрельного механизма, чёрный дым и огненные всполохи в оружие заполняют небольшую комнатку придорожной гостиницы. На мужской руке оружие его мира, мира, который выпивает жизнь из её мира.

На пороге стоит тот, кого мало кто видел, но каждый слышал его имя и знает о его деяниях. Многие пытались сопротивляться, но спустя годы бегают перед ним на цыпочках и выполняют каждый указ. За его холодным и безразличным лицом с вежливой улыбкой скрывается монстр. Дракон, потерявший крылья, но не силу. Человек, который способен проникать в чужое сознание и подчинять любого, но не её. Не девушку с бесцветными глазами и белой копной волос, не ту, у которой все отняли, сделав изгоем. Не свою жену.

— Странно, ты сама пришла ко мне? — мужчина замер, вглядываясь в спокойную женщину напротив. Он считал, что в этом десятилетии не встретит своё наваждение.

— Давно не виделись, — супруга отошла от кровати и сделала неуверенный шаг к мужчине.

Всего один шаг, но на его лице отразилось желание об-

ладать, поработить, подчинить и одновременно восхищение. Он не мог отвести взгляд от её лица, преследовавшего во сне и наяву. Не мог двинуться, потому что не хотел притрагиваться к манящему телу и в то же время желал наброситься на собеседницу и притащить в свой дом.

Он желал. Он хотел. Он поглощал. Пытался проникнуть в её мысли, прочесть на холодном лице каплю эмоций. Направлял все свои силы, чтобы заставить единственного человека, имеющего волю, сдаться. Единственную, перед кем он бессилен и безволен.

— Ты не изменилась, — она была всё такой же, какой приходила в видениях, во снах, в бреду.

— Твоими трудами, — горькая усмешка скользнула по краю манящих губ и тут же исчезла за вуалью пустого взгляда.

Мужчина приготовил оружие, влил силу кристаллов в моток, наполнил заряд разрывной волной. Он приготовился убивать, прекрасно понимая, что это тело, даже разбросанное на мелкие кусочки, выживет. Соберётся, срастётся, восстановится, потому что бессмертное. Она такая же, как и он. И восстанавливаться она будет в его замке, в его клетке, в его объятиях. В этот раз он сделает так, чтобы она дышала им и вместе с ним.

Но что-то было не так.

Девушка понимала, что оказалась в лапах демона, в клетке со зверем, которого хочет убить, но не смеет притронуть-

ся. Её шаги не прекратились. Медленно, словно пересиливая свою ненависть, она подходит к убийце своей семьи, поработителю своей страны и встаёт прямо напротив его лица.

Девушка всё ещё остаётся нежной, хрупкой и желанно манящей. Запах солнечного лета, заполняет комнату, пропахшую гарью. Её белые волосы сияют, как огонёк памяти о залитом солнце прошлом. Её фигура соткана из света и борется с тьмой, которая идёт от мужчины.

Он недолго мог стоять. Она была слишком беззащитной и недоступной. Её вид манил, притягивал и рвал его душу на части.

Свободной от оружия рукой он резко притягивает к себе женские манящие губы и впивается в порабащающем поцелуе. Она не вырывается. Женское тело застыло, шокированно замерев на высоте вдоха и погрузившись в секундную слабость. Мужчина всё также был властным и резким, но таким родным и манящим. Он читал её мысли, не прибегая к своим способностям, и любил так, как мог только он один. Он не позволял никому прикасаться к его сокровищу, оберегал и лелеял, боясь, что она рассыпется от его жестокой, поглощающей любви. А она всегда была спокойной, нежной, манящей и одновременно холодной, рациональной и неконтролируемой.

Когда мужчина отстранился, жадно приникая губами к женским щекам, скользя языком по заплаканным глазам и ловя чужое дыхание. Вдавливая её тоненькое тело в свою го-

рячую кожу, впитывая всеми рецепторами запах истинности и желая проникнуть в её душу. В женских руках уже сиял чёрный кристалл. Артефакт, который уничтожит двух бессмертных вместе с прогнившим, мёртвым миром.

— Я устала, — её слёзы очищали и успокаивали, словно парализующий яд. Мужчина горел, прикасаясь к столь манящему и трепещущему телу. Не мог отстраниться и притягивал так близко, словно паук свою жертву.

— И я, — выдохнул признание бессмертный дракон, лишённый крыльев, но имеющий Истинную в своей жизни.

Его пальцы впились в её тело, прижимая так крепко, словно боялись потерять. Потерять её снова. А ведь он помнил. Помнил её совсем другую: ласковую, нежную, манящую, любящую.

Помнил. Помнил. Помнил...

Артефакт активирован. Ничего не вернуть назад. Чёрный кристалл нельзя остановить, и эти секунды единения станут последними для Поработителя и Разрушительницы этого мира.

Мужские руки резко разрывают мешающую ткань рубашки, а пальцы сминают дерзко стоящую грудь. Женщина болезненно шипит, пытаясь отстраниться, оттолкнуть, но он впивается в её шею поцелуем, кусает, удерживает, словно оголодавший зверь, впервые увидевший истекающее соком мясо.

Они все будут помнить! Он не позволит забыть!

Книга пишется в рамках литмоба " Во мраке истинности"

<https://litnet.com/shrt/hP0x>

Воспоминания о былом

Воспоминания

Имперский двор был поглощён сбором магических кристаллов. Каждая семья старалась добыть в шахтах идеальный кристалл и сделать мощный артефакт. Магия не просто витала в воздухе, а активно щёлкала маленькими всполохами молний над головами приближённых. Спрятавшись ото всех в саду, принцесса с белыми волосами, читала книгу о приключениях на просторах Империи юной леди.

Красивая беседка вмещала в себя увитые розами качели, а хрупкие бабочки витали вокруг нежного мысочка. Скинув туфельки и украдкой стянув чулочки, я перелистывала страницы и искоса поглядывала на нянюшку. Она была единственным человеком, от кого мне не удалось избавиться и уединиться наедине со своими мыслями. Фрейлины потерялись: кто в библиотеке, пока я выбирала книгу, кто в оранжерее, пока я искала удобное место в саду. Но к своему совершеннолетию я привыкла, что за мной постоянно наблюдают. Нельзя принцессе гулять одной. Да и прятаться от всего двора не стоит, если ты в магической Империи зовёшься бриллиантом короны.

— Вас скоро представят двору на весеннем балу невест, волнуетесь ли вы, госпожа Эвелин? — нянюшка по-свойски, по-домашнему говорила со мной и смотрела на меня, как

кошка — мать на ленивого котёнка.

Перелистнув страничку женского приключенческого романа, я спокойно ответила:

— Всем известно, что принцесса выйдет замуж за сына военачальника Империи. — сосредоточившись на пляске солнечных зайчиков на тротуарной плитке, добавила: — Бастион с детства играл со мной в этом саду и является единственным претендентом на мою руку.

Когда ты сестра семерых принцев и единственная дочь императорских супругов, твоя жизнь становится сказочной. Богатства, наряды, балы и привольная, не знающая нужд и работы судьба. Мне можно не переживать о будущем, можно забыть о короне и её тяжести. Ответственность за Империю не ляжет на мои хрупкие плечи, пока все семь братьев с их семьями не умрут. У старшего кронпринца Эвета уже родился наследник, у второго принца — Эрика беременная жена, Эрет — третий брат около полугода назад обвенчался со своей любимой. Энрике ещё не вошёл в брачный возраст, но посватался к девушке благородного сословия. Младшие братья пока лишь об играх думают, но и им папа приглядывает невест и старается, чтобы их встречи проходили чаще, для налаживания отношений. Так же, как и мои детские игры с сыном военкомандующего, были для строго определённого плана.

Мне даже политикой заниматься не надо. Все дела Империи раздали братьям. Принцессе Кристального леса остаётся

только почитать на лаврах прошлых правителей и ждать своего суженного у окошка. Конечно, мне не хватает приключений и развлечений, но на Осеннем балу каждый из придворных вспоминает обо мне — бриллианте короны. Именно я наполняю кристаллы магической силой, соединяю главный столичный бриллиант с драгоценными камнями крупных городов и провинций, насыщаю наши земли силой и защитой, чтобы даже в зимние дни наша Империя процветала, утопала в зелени и давала урожай.

Как ни прискорбно, но сила рода передалась самому слабому и ленивому существу — мне. Но я ответственно подхожу к своим обязанностям. Жду, когда народ соберёт новый урожай кристаллов, делаю выставку уникальных камней, оцениваю новые сплавы, дарю победителю кристалл из собственной сокровищницы. В первую неделю осени моя фигура слишком значима, оттого и занята. Но пока у меня есть время на ленивое чтение по утрам и наслаждение миром и покоем в благословенном саду Кристальной Империи.

За зелёной стеной кустарников послышался голос отца. Элизар был в отъезде вместе с младшими сыновьями, оставив старших принцев руководить Империей. Прибытие папочки ознаменует первый бал принцессы. Но меня не собственная помолвка волнует, а то, что я просила привести из дальней для меня страны — кристалл Забвения. Артефакт, способный стирать память и подчинять воле того, у кого сущность сильнее. Не тому, кто держит камень в руках,

а тому, кто действительно достоин.

Не терпится увидеть сию диковинку.

Посмотрев на занятую няню, соскочила с качелей и босонгая, поднимая юбки, рванула в густую поросль кустарника. Нянин голос раздался за спиной, но я, смеясь, поспешила на встречу с родными. Протискиваясь по узенькой аллее между кустами роз и не замечая холода под ногами, бежала вперёд, желая встретить отца и четырёх братьев. Я точно знаю, что все мужчины семьи привезли мне подарки. Но больше всего меня волнует кристалл Забвения.

Артефакт, который по преданию образовался в теле огромного и последнего дракона. Настоящего огнедышащего, магического ящера, которого называли Королем Неба. Его тело погибло, а душа образовала кристалл, чтобы все помнили о величии исчезнувшей расы двуликих покорителей неба. Нам преподают, что драконы исчезли, погибли, унеся бессловесную магию в недра истории и в основу сказок. Магические ящеры погибли, а на местах, где они когда-то жили или магичили, появились кристаллы с остатками магии. Поговаривают, что после двуликих остался небольшой след: народец, что умеет общаться с кристаллами и переделывать их. Народ называют даркарами, но за глаза их ненавидят. Ведь только они могут сотворить великие дела, держа в руках кристалл. Но мало кто помнит, чьи это потомки. Даркары — двуликие лишённые драконьего пламени, короли неба, свергнутые на землю.

Красивая сказка про великих ящеров, но не более. История остаётся в прошлом, хоть и учит почтению. Но сейчас мне нужен отец.

Продираясь по едва заметным извилистым дорожкам и не обращая внимания на потрёпанное платье, я бегу на голос. Отец близко, но его тон холоден и наполнен металлом, который готовится пролить кровь.

— Я должен увидеть Бастиона! — слышу решительный голос отца и вылетаю прямо в палисадник с беседкой и маленьким прудиком.

Но спина великого Императора спешно удаляется, словно не желает терять ни единой минуты.

— Папа, — спокойно и воспитанно делаю пару шагов в его сторону, но широкая спина удаляется так, словно не слышит меня. — Пап! — поднимаю тон и понимаю: Элизар меня не желает слышать.

Делаю ещё пару спешных шагов и внезапно наступаю на колючку босыми ногами. Невоспитанно шиплю, начинаю прыгать на одной ножке, спешно поднимая юбки, и тороплюсь к беседке, ругаясь, как конюх.

— Сушёное сено, солома! — прыгаю и ругаюсь, пока моё тело не врежется в человека.

Неизвестный стоял на мощёной дорожке в тёмном одеянии и смотрел на меня сквозь прорези маски. В нём чувствовалась сила, мощь и непреклонность. От него пахло пожаром, словно он только недавно прибыл из самого пекла.

Я не видела незнакомца в свите отца, да и на злосчастной дорожке. Он словно из воздуха появился и теперь загораживал мне подход к беседке, а я так и замерла с поднятой ногой и задранном подолом.

— Даже маленькая колючка способна ранить бриллиант, — низкий, хриплый голос донёсся из-под тёмной маски. — Хрупкий камень уничтожит всю корону, — его слова лились как песня, словно ткались из самого бытия и реальности. Но отчего-то у меня начала болеть голова.

— Вы говорили с отцом? — опускаю ногу, но стараюсь на неё не наступать. — Вы видели моих братьев?

Спешно поправляю платье и выпрямляюсь, вспоминая все уроки этикета и манер, которые вдалбливала няня. Хотя он и заметил меня в нелестном положении, мне всё равно, захотелось показать всю свою силу и уверенность. Но рядом с ним я по-прежнему осталась слабой девушкой с раненой ножкой, как зверь с раненой лапкой, скулящий и молящий о помощи.

— Бриллиант волнуют дела Империи? Или дочь требует внимания отца? — незнакомец не отвечал, хоть и говорил складно. Каждое его слово словно ткалось из приказа и пыталось достигнуть моего разума.

Незнакомец не воспринимал меня как человека и игнорировал мои вопросы. Он привык получать ответы ещё до того, как откроет рот. Холодный взгляд глаз и тёмная маска пытались пробраться сквозь мои пустые разговоры и добиться

ответа на свои вопросы. Но я стояла неподвижно и не воспринимала ни одного вопроса.

— Чего желает маленький бриллиант, имеющий всё? — Мужчина приблизился, завожожив меня всего одним взглядом и пугая всё сильнее с каждым произнесённым звуком. — Власти? Слишком утомительно. — мужская рука в тёмной перчатке поднимается и дотрагивается до моего белого локона. Накручивая волосы на палец, он продолжал манить и пугать одновременно. — Мира для своего народа? Несбыточно. Человеческая жизнь — это конфликт. Без побед над собой человек не станет сильнее, опытнее, лучше. — тихо, умиротворяюще гипнотизирует хриплый голос. Он буквально соприкасается с моим телом, но между нами всё ещё есть невидимая грань. Мужчина не переступает её, а отодвигает, становясь ближе, словно прогибается под себя. — Может, нечто личное? — взгляд напротив чернеет, затягивает в омут, вытягивает душу.

Наши носы соприкасаются, незнакомец тянет меня за волосы к себе, становясь ближе. Мы начинаем дышать одним воздухом. Завожожённо вдыхаю чужой терпкий аромат и проваливаюсь во тьму чужого взгляда. Его пальцы легко прикасаются к голой коже на шее, продолжая играть локоном волос и норовя сломать невидимую грань приличия.

Внезапно охранный браслет на моей руке нагревается, а кристаллы, что созданы для освещения дорожек и оповещения об опасности начинают гудеть.

Делаю глубокий вдох, словно вынырываю из омута чужого психологического воздействия. Ощущаю сильную головную боль и понимаю, что мужское лицо недопустимо близко. Незнакомец смотрит на меня сверху вниз и пересёк все нормы и приличия.

Замахиваюсь и отвешиваю пощёчину незнакомцу, который притронулся к принцессе кристального замка.

— Уберите от меня руки!

Глаза незнакомца загораются потусторонним, холодным светом, словно увидели нечто интересное, достойное внимания. От его взгляда становится не по себе. Хочется спрятаться от холода, скрыться от интереса, который явно ничего хорошего не принесёт. Но принцесса не должна бояться, поэтому я не отступаю, даже когда мужчина склоняется и делает звучный вдох всей грудной клеткой.

— Сладкая, — его слова скользят по моей шее, вызывая странное смятение и одновременно отторжение.

— О чём говорил отец? — едва шевеля губами, я смогла спросить то, что нужно. — Где мои братья? — я всё также боюсь и стараюсь не шевелиться, но делаю вид смелой и серьёзной принцессы.

— Почему ты не подчиняешься? — прошептал мужчина и сделал шаг, который разорвал все границы приличия, ведь его тело прижалось ко мне, почти нависло надо мной и скрыло в своей могучей тени бледный призрак учтивости.

— Отойдите, — сжимаю кулаки, но новый замах был пе-

рехвачен огромными руками в чёрных перчатках.

Его пальцы сжали мои кисти и притянули к себе. Теперь я не отстраняюсь, а вжимаюсь в мужское тело столь неблагоприятно и отчаянно, что уже не могу представить, как освободиться. На землю падает охранный браслет, но я не замечаю этого и пытаюсь пошевелиться. Отойти прочь, улизнуть от опытного воина и убежать от заинтересованного человека.

— Пожалуйста. — не узнаю свой голосок и тихий всхлип. Кажется, что мой разум сдался и теперь вся надежда на благоразумие незнакомца, но он безумен раз позволяет столь фривольно относиться к принцессе Империи Кристаллов.

— Сделай мне приятно, сладкая, — шепчет мужчина на ухо, прижимаясь ко мне всем телом, словно пытается поглотить.

На остатке силы воли, на безумном скачке адреналина я делаю то, что ни одна принцесса не делала — кусаю неизвестного за оголённую шею, а потом кричу:

— Нянюшка!

Когда няня меня обнаружила, я стояла в злополучном саду ни живая, ни мёртвая. Белая как снег, дрожащая, как лист на ветру, онемевшая, словно статуя. А когда няня отвела меня к главному входу в замок, в эти же двери вносили деревянные гробы, обитые золотом.

Три небольших гробика, вслед за которыми шли воины империи. С парадной лестницы сбегала мама, хоть и была слабой и болезненной, но она почти скатилась к трём ящи-

кам, несущим смерть. Она хваталась за ноги несущих, кричала не своим голосом и молила открыть гробы. А когда я увидела, как отец пытается поднять маму, я поняла, что в этот день лишилась трёх младших братьев. Мой мирный сон погрузился во мрак.

Она: — Я помню, когда он появился, мой мир погрузился во мрак.

Он: — Я помню, когда она появилась, мой мир озарился светом и заполнился сладостью её манящего тела.

Еще одна книга литмоба "Во мраке истинности"

<https://litnet.com/shrt/9T5s>

Первое нет

Дворец погрузился в мёртвую тишину. Никакой подготовки к осеннему празднику Кристаллов. Слуги превратились в бесплотные тени, боясь привлечь внимание господ. Отец замкнулся, стал холодным, отстранённым. Элизар не хотел видеть собственных детей, словно молчаливо обвинял нас в том, что мы живы. Я не верила в то, что видела собственными глазами. Мой разум не мог легко вычеркнуть братьев и положить в могилу воспоминания. Хотелось во всём разобраться и найти шутника, который принёс гробы в мой дом.

По скудным обрывкам и слухам я знала, что в смерти моих младших братьев замешан Бастион, ведь именно ему было поручено сопровождать принцев на обратном пути. Император торопился во дворец и приехал намного раньше, а братья захотели повеселиться, чем поплатились жизнями, оставшись без имперской охраны с несколькими воинами и Бастионом.

Как и в чём именно виноват мой друг и наречённый никто мне не сообщал. Но по скудным обрывкам фраз я знала, что сына военачальника заперли в темнице и ведут допрос. Чтобы хоть что-то прояснить, я пробралась в крыло принцев и тут же встретила младшего из оставшихся братьев — Энрике.

— Братец, — подбежала к мальчику и обняла родного че-

ловека. Впервые за день притронулась к тому, кто может вернуть душевное спокойствие.

Такое блаженство и тепло я ощущала лишь с младшими братьями и Бастионом. Старшие всегда были заняты и учились быть настоящими принцами и светилами для народа, а младшие радовались свободе и проказничали. Всё изменилось, заставив меня смотреть на мир в серых красках и не ждать новых игр.

— Эва, как ты сюда пробралась? — удивился братик, но из объятий не вырывался. — Все пролёты контролируют воины, старшие ушли на собрание, меня заперли в комнате.

— Меня тоже заперли, но няня уснула, и я прибежала к тебе, — доверительно шепнула братику и, спохватившись, потащила его прочь из коридора в едва заметную нишу, по которым передвигались слуги.

Принцесса Эвелина нежная, добрая, застенчивая и прилежная была лишь для народа. Слухи о её почтительности, терпении и скромности были столь правдивы, что я сама иногда в них верила. На самом деле единственную принцессу, которой от императорской семьи не достанется ничего, кроме хорошего брака, мало кто замечал. Приглядывать за девочкой, которую с рождения учили лишь танцевать, петь и развлекать супруга беседой, было неинтересно. Вскоре маленькая принцесса поняла, что даже фрейлины лучше поиграют в саду, чем будут сидеть рядом с ней, поэтому научилась «исчезать» от чужих глаз. Скромница, умница и краса-

вица выросла юркой, беззаботной и хитрой пронырой. Оставаясь для всех идеальной принцессой, я таила в себе много секретов. Так же как и замок, я надевала сияющие доспехи благополучия, чтобы скрыть тёмные лазы недоверия.

— Энрике, — поторопила мальчишку, увлекая его в темноту дворцовых переходов. — Пойдём посмотрим, что там на собрании.

— Эвелина, — удивлялся мой юный последователь. — А нас хватятся?

— Обход рыцарей каждые три часа. Они нас не заметят. Главное, получить информацию. — сняв бесполезные и громкие туфельки, в одних носочках я прокралась к едва заметной нише в толще служебного коридора.

Это место было излюбленным для принцессы, поэтому паутина не успевала появиться, а пыль сметалась юбками. Тёмное, уютное и скрытное пространство отделялось от зала совещания всего одним художественным холстом, за которым всё было прекрасно слышно, но не видно. Наверное, раньше его использовали шпионы Империи, но отец давно расправился с врагами, подчинив себе центральный континент. Поэтому мне не верилось в то, что увидела недавно в холле. Не могли на наших мирных землях легко и просто убить сразу трёх принцев, которых охраняли кристаллы.

Энрике замер, услышав приглушённый голос отца. Я приложила ухо, но было слышно немного.

— Разбойники? Охранные барьеры, камни, кристаллы...

— только голос императора Элизара недовольством и злостью разливался по комнате, а до нас доходило лишь эхо. — Как можно потерять... Кристаллы сломались? Питание... — но даже слова императора тонули в пространстве, и я мало что понимала. — Бастион рассказал...

Обрывки фраз, ошмётки предложений, но я прекрасно понимаю, что все, что происходит вокруг непростой падёж скота или неурожай. Отец в ярости и едва сдерживается, чтобы не разнести комнату. Его речь сочтётся болью и бессилием. Он срывается на присутствующих, рычит на докладчиков, резко отвечает вопрошающим. Всю атаку берёт на себя кронпринц Эвет. Он мягко отводит огонь на себя, докладывая и спрашивая. Истинный наследник престола старается быть терпеливым и понимающим к страдающему отцу. Но его было неслышно. Досидев до конца, мы с Энрике поползли обратно. Но внезапно отец заговорил со старшими братьями недалеко от картины, за которой находился тайный ход.

— Даркары не против слиться с нами, но у них принято закреплять союзные договора брачными узами. Говорят, что один из них унюхал Истинную в саду. Если всё сложится, то заклинатели кристаллов станут нашими союзниками.

Эвет невозмутимо ответил:

— Наверняка это одна из фрейлин сестры.

— А если это сама Эвелина? — поинтересовался второй наследник Империи — Эрик.

— Нам нужны в роду заклинатели кристаллов. Дочь единственная, кому кристаллы подчиняются, но лишь для того, чтобы наполниться энергией. Даркары используют силу камней более эффективно. Если один из них пожелает принцессу, то мы не будем против. Будут жить во дворце или в любой точке Империи, главное, чтобы обучали нас своим знаниям. — холодно и отчуждённо ответил отец, словно говорил не о родной, любимой дочери. В его словах не было тепла, лишь расчёт и цинизм.

— А если он решит вывезти ее за пределы Империи?

— Уничтожим обоих!

Меня внезапно охватило волнение. Что-то изменилось в Императоре. Папа никогда бы так безразлично не отнёсся ко мне. Элизар словно забыл обо мне. Как будто в его жизни не было прекрасных моментов, связанных с принцессой. Но я помню, как отец говорил, что благополучие империи держится на улыбке бриллианта. Не мог человек, который не спускал дочку с рук и носил принцессу на плечах, отнестись ко мне так пренебрежительно, словно я племенная лошадь.

Энрике вытянул меня в коридор на первом этаже и замер. Он младше меня, но по его встревоженным глазам видно, как сильно он обеспокоен. Неужели даже младший брат заметил перемену в характере отца?

— Папа устал, — стараюсь говорить бодро и спокойно. Не хочу пугать братишку. Ребёнок слишком испуган, чтобы мыслить спокойно. — Я поговорю с ним и мамой. — обе-

щаю, а сама не верю, что смогу ворваться в охраняемые покои матушки и батюшки.

— Эва, отец ведь хотел подчинить даркаров. Почему он согласился на условия маленького горного племени?

Меня поразили правильные вопросы брата. Ведь изменения в папе появились после встречи с бескрылыми драконами. Элизар уезжал любящим отцом, а вернулся холодным и грубым.

— Мы предложили нечто большее, чем есть у Империи, — в темноте коридора сверкнул холодный, расчётливый взгляд, от которого меня пробрал мороз.

Предвкушение чего-то острого, необычного затаилось в груди, а кулаки сами собой сжались. Охранный браслет молчал, а вот голова начала побаливать. Появилось ощущение дезориентации в пространстве и необычная лёгкость в теле. Противоречивые чувства прокрались в разум, и я не смогла сопротивляться нахлынувшим эмоциям.

— Как вы попали во дворец?

Мой взгляд был устремлён на незнакомца. На знакомого незнакомца из сада.

— Я вас почувствовал, — снизошёл он до ответа, не отводя от меня взгляд.

Черты лица мужчины строгие и суровые, будто высечены из камня. Его взгляд глубокий и выразительный, излучающий уверенность и внутреннюю силу. Волосы тёмные, коротко стриженные, подчёркивающие его решительность и це-

леустремлённость. Шея крепкая, плечи широкие, мускулы рельефные, свидетельствующие о физической подготовке и выносливости.

Его голос низкий и хриловатый, звучащий властно и убедительно. Манера речи лаконичная, каждое слово взвешено и несёт смысл. Движения точные и уверенные, каждый жест наполнен силой и энергией. Одежда простая, но качественная, подчёркивающая его статус и характер.

Этот мужчина обладает внутренней стойкостью и непоколебимостью, способной внушать уважение и страх. Он привлекает внимание своей загадочностью и харизмой, вызывая интерес и желание узнать больше о его внутреннем мире. Но в то же время я чувствую себя незащищённой и голой рядом с ним. Его взгляд буквально буравит моё тело, раздевает, оголяет каждый нерв и накручивает психику.

— Это мой дом и вам... — Энрике встал так, чтобы загорудить меня собой. Мой храбрый, маленький принц дрожал. Он тоже почувствовал необычную, давящую ауру человека.

Холодный взгляд мельком обратил внимание на подростка, словно на неинтересную игрушку. На каменном лице незнакомца появился оскал.

— Маленький принц, можно я поговорю с Бриллиантом? — его голос тянул жилы, сворачивался узлом вокруг моей груди, словно вынуждал подчиниться.

— Да, конечно, — внезапно согласился Энрике и не оглядываясь пошёл прочь.

Тот, кто секунду назад готов был противостоять наглому вторженцу, сейчас сдался без боя и объяснений.

— Опять босиком?

Незнакомец подошёл слишком близко. Воздух стал густым и тягучим, словно вязкий сироп. Ощущался жар его тела, пульсирующий, почти осязаемый. Я запрокинула голову, глядя вверх, мои глаза встретили его ледяные, колдовские зрачки. Холодные, как декабрьская ночь, но внутри каждого мерцала искра, призывающая войти внутрь, окунуться в бездну неизведанного.

Странный огонь вспыхнул в глубине его взгляда, потрескивая искрами страсти и желания. Это пламя было таким горячим, что обжигало кожу, заставляя сердце биться быстрее, кровь бурлить сильнее. Оно притягивало меня, словно магнит, тянуло вперёд, обещая неизвестное удовольствие и наслаждение. Но разум шептал: остановись, останься там, где безопасно, удерживайся подальше от огня.

— Вы даркар? — мои губы шевелились, словно не могли сдержать блуждающих мыслей. — Вы что-то сделали с папой. — я не спрашивала, словно заранее знала ответ и ждала лишь подтверждения догадки.

Тени на полу и потолке зашевелились, словно услышали нечто интересное. Они потянулись ко мне. Я буквально ощутила их холодное прикосновение к щиколоткам, но продолжала смотреть в ледяной взгляд.

— Я просто хочу вернуть крылья, сладкая, — мужчина

шептал и склонялся ко мне, стараясь поймать каждый мой выдох своим лицом.

Горячие губы мгновенно накрыли мою шею, оставив влажный след на коже. Грубые, цепкие пальцы впились в талию, притянув ближе, заставляя почувствовать всю его мужскую силу. Воздух вокруг затрещал от напряжения, волны жара окатывали тело, волнами расходясь по венам.

Дыхание стало тяжёлым, учащённым, смешиваясь с дыханием незнакомца. Внутри закипали чувства, взрывались эмоции, превращая мир вокруг в сплошную вспышку эмоций. Все мысли исчезли, остались лишь ощущение его силы, его власти над моим телом и этот безумный танец губ, создающих магию страсти и желания.

— Пожалуйста, — я вновь взмолилась.

Принцесса, которая не понимает собственных чувств и сейчас разрывается от противоречий в душе, вновь умоляет незнакомца.

— Это ненормально, но так сладко, — хрипит низкий голос мне в ухо.

Его пальцы вжимают меня в горячее мужское тело. За спиной ощущается холодная стена. А коридор наполнен танцующими тенями, которые скрывают нас от любопытных взглядов. Я буквально вишу на человеке, которого вижу второй раз в жизни.

— Прошу, — выдыхаю, когда получаю секундную свободу от жаждающих прикосновений.

— Простишь не останавливаться? — наглая улыбка словно отрезвляет меня, и я пытаюсь укунить мужчину за шею, но от укуса он лишь страстно стонет. — Какая пылкая, сладкая принцесса.

Его бёдра вжимаются в мои ноги. Я ощущаю волну возбуждения в месте соприкосновения и... Сгибаю ногу в колене, стараясь ударить как можно точнее.

Когда получаю свободу, неприлично задрал юбки, бегу прочь. Во тьму, которая живёт и дышит по собственной воле. Но тени передо мной рассеиваются и исчезают, прокладывая путь по привычному, обычному коридору.

Не останавливаться. Не останавливаться. Не останавливаться!

Он: — Я не мог сдержаться.

Она: — Я не могла стоять.

"Во мраке истинности" знакомит с ещё одним произведением:

<https://litnet.com/shrt/DQcg>

Сближение

Время, когда всё замирает, становится тюрьмой, потому что ты не замечаешь собственного движения.

Начать день с качелей и приключенческого романа, а закончить, стоя в траурном одеянии тёмно-зелёного цвета подерживая маму под руку, пока три гробика с телами младших братьев несут к семейной усыпальнице. Внезапно беззаботное время превратилось в удушающую реальность. Комары липнут со всех сторон, а тёмное одеяние не позволяет дышать коже. Всё липнет к телу, ещё и давит на грудную клетку, так что дышать трудно. Мама плачет и едва стоит, её взгляд устремлён на золотую обивку гробов. Удерживать себя и маму всё труднее и труднее, ноги норовят подогнуться. Отец хмуро провожает каждый гробик поджатыми губами и стиснутыми кулаками. На семейных похоронах слишком много народа. Здесь нельзя ни выплакаться, ни обняться, ни поговорить. Каждый наблюдает за императорской семьёй. Они пришли не для почтения или сочувствия, каждому хочется насладиться болью имперской семьи. Каждый хочет увидеть слабость на лицах сильных.

Для меня, для мамы и отца свет перестал существовать. Братья надели серьёзные мины и стоят, почтительно склонив головы. Но я вижу тьму, что собирает вокруг их фигур. В толпе всё отчётливее слышен шепоток "борьба за власть".

Мой взгляд обращён к Эвету — кронпринцу и старшему брату. Он перерос детские игры и больше не будет бегать со мной по саду в поисках несуществующих фей. Брат сам стал отцом сына, и на его лице появилась озабоченность будущим. Но я не верю, что он способен подстроить смерть близких. Даже в одеянии, висящем на мне словно, путы, хочется верить в светлые помыслы родных.

— Мои мальчики, — тихо всхлипывает мама, цепляясь за мою руку, как за спасение. Женщина тянет меня вниз и впивается ногтями в мою кожу.

Мамочка. Как же сложно поддержать родного человека в час, когда сам не знаешь, выступишь ли. Хочется обнять, поддержать, дать защиту, но при всех нельзя.

— Светлого им мира, — поддерживаю слабую женщину и прикрываю глаза, стараясь не думать о том, что сама потеряла братиков.

— Бастион — предатель, — внезапно в слабом голосе просыпается нечто ужасное, пугающее. Кажется, что мама готова выпиться в глотку любому, кто причастен к смерти сыновей. Но я не верю в его причастность. Не мог умный парень подставиться на пороге свадьбы с принцессой.

— Следствие ещё идёт, — не верю, что друг, которого я знаю с детства, виновен в нападении на принцев.

— Ты его защищаешь? — внезапно материнская рука сжимает моё плечо, словно пытается выдавить надежду и веру в лучшее.

Внутри меня взметнулись искры недоверия и противоречия. В воздухе затрещала магия, кристаллы всех присутствующих нагрелись. Я посмотрела прямо маме в глаза и тихо шепнула:

— Не могу судить любимых, — накрыв её руку своей, прижала к себе так сильно и отчаянно, как только могла. — Отец никогда не оставлял младших одних. — сжав женщину, тихо заговорила, подводя мамочку к нужной мысли. — Кто отвлёк отца? Кто нанял кристалликов для нападения на обученных принцев? Почему оставили в живых одного Бастиона?

Внезапно мама задрожала и начала кричать, молотя воздух кулаками:

— Бастион убил моих мальчиков! Бастион! Бастион!

Она начала бить меня, срывала свою боль на том, кто рядом. Её удары были слабыми по сравнению с братскими игровыми тумаками.

Отец даже не подошёл. Он только махнул головой, чтобы маму увели.

Не похоже на мужчину, который ни разу не посетил любовницу. Опекал и всегда поддерживал маму, даже когда её здоровье подвело. Он всегда был очень добрым по отношению к своей семье. Но сейчас я вижу лишь металлический взгляд Императора.

Маму увели, а я смотрела на собравшихся, как на ненужный фон. Они создают лишь шум и никак не помогают в часе

скорби. Мой взгляд наткнулся на небольшую группу в чёрных одеждах. Их тела были скрыты за плащами, но у всех была мощная аура. Казалось, что это не люди, а хищники в образе двуногих. От них чувствовалась опасность. Моё внимание было перехвачено недавним знакомым. Казалось, что он очень рад нашим переглядкам и поняв, что я смотрю на него, улыбался, но как-то холодно.

— Ненавижу тебя, — произнесла одними губами и резко отвернулась, заметив краем взгляда, как улыбка незнакомца превратилась в оскал хищника.

— Они были светом для родителей, — гробики провожали к установленному кострищу со словами прощания. Многие говорили банальные вещи. Даже я не смогла подобрать более подходящую речь. Выдавила пару слов и отвернулась, чтобы не смотреть, как самых младших уносят для ритуала сожжения.

— Они были первыми, — голос с хрипотцой привлёк моё внимание, словно произнёс угрозу, а не прощальную речь.

Я посмотрела на говорившего и вздрогнула. Каким-то неизвестным образом мужчина в тёмном одеянии приблизился и замер рядом. Надоедливые комары, которые до этого одолевали меня, исчезли. Вспомнив все наши встречи, я напряглась, готовясь бежать даже под многочисленными взглядами.

— Они были первыми для всей Империи, — мужчина говорил ровно, спокойно, но я всё равно слышала угрозу для

всей Империи.

— Вы принесли горе моей семье, — тихо выдвинула обвинение в сторону незнакомца, стараясь не смотреть на него прямо. Помню о том, какой колдовской взгляд у даркара. У меня даже голова начала болеть от его близости.

— Думаете? — глубокий хрип и его лицо склоняется ко мне.

Резко желаю отвернуться и уйти прочь, но внезапно ощущаю холодную руку на собственной талии. От его прикосновения удушающая ткань становится легче, а духота отходит, освобождая лёгкие. Стоять на похоронах становится легко и свободно. Меня ничего не сдерживает, не прилипает, не душит. Но это не возможно, даже кристаллы не способны на такое, поэтому я удивлённо смотрю на даркара. Но мужчина делает вид, что заинтересован в ритуальных похоронах. Наблюдает, как гробики ставят на постамент, отец ходит вокруг с факелом, читая древние ритуальные письма. Кажется, что незнакомец не замечает меня, но при этом его рука удерживает мою талию, а тёмный плащ скрывает его недопустимую форму близости.

— Я могу обвинить вас в домогательствах, — шиплю, но сама не отхожу, не желая возвращаться в удушающее пространство вечера.

— Ваше право, принцесса, — тихо шепчет даркар. — Но я буду защищаться, — смех с хрипотцой тронул мою шею, словно я вновь ощутила его губы на собственной коже.

— Скажите, что я на вас накинута? — усмехнулась и потёрла шею, желая избавиться от навязчивых чувств.

— Скажу, что это преступление прятать столь манящий бриллиант и не допускать принцессу к реальным положениям дел. Ваша ненависть мне приятна.

Его слова удивили и взбудоражили любопытство.

— Отчего же?

— Для любви я ещё слишком мало сделал. Зато вы выделяете меня из всего двора и думаете, как о ненавистном человеке. Значит, не забываете.

Его шёпот словно погладил мою шею, скатился вниз по спине и внезапно сжался спазмом где-то на уровне живота.

Вспыхнул погребальный огонь, который забрал всё моё внимание. Я смотрела и прощалась с братьями, но отчего-то не могла проронить ни одной слезинки, словно ощущала в себе пустоту вместо чувств.

— Я не думаю о вас, — рыкнула, уходя прочь от незнакомца.

— А я меняю планы из-за вас, — его рука на моей талии, словно хотела вцепиться в меня, но вовремя остановилась.

Она: — Он был ужасен и могуч.

Он: — Она наивна и прекрасна.

Литмоб "Во власти истинности" предлагает

<https://litnet.com/shrt/sezL>

Ненависть врага

Ночь заползает в душу тёмными щупальцами собственных нерадостных размышлений. Кидает тень даже на светлый лик луны, тускнеет свет дальних звёзд и омрачает воспоминания. Непривычная тишина в малом детском зале, где самые младшие братья любили играть и прятались по ночам от няни, затягивает в свои холодные объятия. Хочется услышать смех братьев, но лишь скрип шкафов наполняет пространство. По тёмным скрытым лазам гуляет смерть в своём милом и непредсказуемом обличии и я, в ночной сорочке со светящимся кристаллом в руке. Мне холодно и одиноко. Ощущение, будто меня только предупредили об отсутствии братьев. До этого момента рядом было слишком много людей, слишком много слов, слишком много наигранного сочувствия.

Всего слишком.

А сейчас тишина, темнота, одиночество и пустота в сердце.

Потушив кристалл и погрузившись в тени прошлого, я легла на пол и свернулась калачиком, словно эта поза спровоцирует души братьев и они придут поиграть. Но тени молчали.

Послышался голос отца и мамы в коридоре. Они явно шли в комнату мальчишек, поэтому я решила скрыться. Не хочу

показывать тайные лазейки замка тем, кто всегда любил за-
пирать, считая, что это убережёт принцессу от врагов.

Но мой путь лежал в сад. Ночной сад, который наполнен
запахом роз и азалий, стрекотом цикад и шуршанием ноч-
ных жителей. Животным всё равно на людские дела, у них
своя атмосфера. Мне хочется раствориться в их возне, что-
бы не слышать собственные мысли.

Моё единение было злобно разбито.

На любимом месте, где беседка с качелями прямо смот-
рела на фонтан с Золотыми Рыбками, стоял мужчина в чёр-
ном. Он смотрел на дрожащую воду и словно гипнотизиро-
вал водоплавающих. Не желая ни с кем встречаться, я хотела
уйти, но его голос остановил меня:

— Ничего не спросишь?

Замерла, услышав знакомую глубокую хрипотцу, которая
пробрала до костей своим холодом и странным притяжени-
ем. Ни разу не встречала человека, который вызывал бы во
мне отторжение и в то же время привлекал своей загадочно-
стью.

— Разве вы ответите? — подчёркнуто учтиво дала повод
продолжить беседу.

— Тебе — да, — просто и твёрдо сообщил даркар. Он всё
также продолжал смотреть на фонтан в центре аллеи и не
шевелился, словно понимал, что любое лишнее движение и
я сбегу. Позорно покину место своего проигрыша, ведь не
выстою против мужчины.

— Вы появились в нехорошее время и принесли плохие новости. Может, это вы виноваты в смерти братьев?

Раз мне можно задавать вопросы, то зачем мелочиться? Нужно идти от начала и до конца. Пусть отвечает. Не думаю, что он будет придерживаться правды. Сейчас наплетёт с три короба про вину Бастиона и уйдёт, чтобы я его во лжи не уличила.

— Все народы повинны в делах наступающего конца магической Империи, — он отвечал, а я только рот открывала, ощущая каждое слово как чистый ручей на своей коже.

Даркар говорит правду.

— Империя — многонациональная страна. Неужели все настолько хотели смерти принцев? Они ведь совсем дети и не привлекались к государственным делам, — мне нужны конкретные люди, лица, имена. Я желаю знать, против кого идти и мстить.

— Бриллиант Империи тоже рос в тени и не выставлялся на всеобщее обозрение. Вам позволено присутствовать на балу совершеннолетия, а после замужества вы пожелали в приданное самые дальние земли. Там даже замок построили к вашему переезду.

— Откуда вам это известно? — недовольно воззрилась на неsgiбаемую спину.

— Бриллиант получил свой титул из-за умения напиткивать кристаллы, находясь в центре Всемирной паутины. Чтобы подпитка прошла успешно, города строились так, что-

бы главный камень любого города в совокупности создавал неразрывную, вечную паутину, по которой будет циркулировать энергия. Каждый год принцесса напивается кристалл, лишаясь чувств. Всё ради поддержания власти императорской семьи. Мнимой власти. Всё держится на Бриллианте, — мужчина медленно повернул голову. В его глазах сверкнул смертельно опасный блеск. Я смотрела в глаза, готовые убивать и рвать живое тело. Мои внутренности задрожали. Интуиция кричала об опасности, неосознанно я сделала шаг назад.

— Наш народ доволен властью, — защищаю свою семью, но ощущаю, как тело дрожит.

— Их поработили и заткнули рот кристаллами, — мягкая усмешка на мужских губах змеёй впиалась в сердце и заставила меня замереть, прислушавшись к каждому слову. — Кристаллы выдают и напиваются только хорошим собачкам, которые не твякают на хозяев и выполняют команды.

Даркар не переставал улыбаться и сделал шаг в мою сторону, завораживая своей хищной грацией и острыми речами.

— Народы поработили, а твой дед хотел уничтожить даркаров, но последний дракон отстоял нашу свободу, хоть нам и пришлось скрыться в горах. — мужчина двигается вперёд, следит за моим лицом, подкрадывается ближе. — Эту власть ты считаешь и защищаешь. Оправдываешь смерти моих родных величием семьи. Многие народы потеряли сво-

боду, правящие рода, уникальных магов благодаря твоему великому роду. Те, кого ты знаешь, согласились прогнуться под диктатуру твоего деда и пляшут под музыку твоего отца за простую возможность жить.

Я стояла пораженная правдивыми словами мужчины. Ощущала злость и несправедливость, но не могла ничего сделать.

— История каждой сильной страны начиналась с крови, — взяла себя в руки и невозмутимо посмотрела на собеседника.

— Но всё по-другому, когда пролилась кровь твоей семьи, — сарказм, который больно царапнул сердце, уронил душу, ударил под дых.

Моя рука сама поднялась и резко опустилась, ответив на оскорбление пощёчиной. Но даркар не шелохнулся, злорадно ухмылялся, упиваясь моей болью и бессилием.

— Я ненавижу тебя, — прошипела от беспомощности в наглые глаза неизвестного врага.

— И я тебя, — внезапно ответил мужчина, схватив меня за плечи и подняв над землёй так, чтобы прямо посмотреть в глаза. — За убийство мамы, за отца, за деда! За каждого, кто поверил нашему племени драконов и был предан твоим дедом, отцом и тобой! — его грубые руки были горячими, а взгляд, наполненный ненавистью и боли наполнялся странным блеском отчаяния. — Я ненавижу тебя.

— Ненавижу, — повторили мои губы, когда его лицо при-

близилось.

— Ненавижу, — страстный шёпот коснулся моих губ.

— Ненавижу, — проглотила собственное дыхание и замерла, когда вкус чужих губ накрыл меня.

Даркар был хищным, резким, не церемонился и брал то, что хотел. Но стоило мне приоткрыть губы, как мужчина застонал, словно потерял весь боевой настрой. Необузданная резкость сменилась на жаждущую нежность. Его губы сминали мои, прорывали каждую оборону, несли сладкие следы наслаждения. Тяжёлая истома прокатилась по моей спине, окольцевала живот и начала жаждать, желать, ждать. Даркар прижимал меня так дерзко и нежно, что я ощущала его силу, но тонула в безопасности. Наши тела жаждали друг друга, горели счастьем обладания, а разум уже не мог сопротивляться. Я краснела, не понимая, что творю и почему поддаюсь. Но моё тело трепетало от ласковых мозолистых рук, которые сжимали мои плечи, руки, царапали ткань ночнушки на талии. Его рука спустила ворот, аккуратно прокладывая путь к напряжённым соскам. Только тогда я почувствовала, что твориться что-то странное.

Мои руки не отставали. Они гладили тёмную рубашку, хватались за пояс штанов и натыкаются на кинжал.

Когда лунный свет коснулся моей груди, а необузданное влечение горячей волной скрутилось где-то в животе, я резко дёрнула кинжал из пояса и выставила остриё вперёд. Но не успела я опомниться, как ощутила на животе, где секунду

назад зарождался пожар, холод металла. Даркар не зря был воином и просто так никогда не сдастся даже под влиянием сексуального влечения.

Наши взгляды метали молнии, а наши руки держали оружие, направляя клинки на врага. Тела ещё были поглощены сладкой истомой, а холодный разум готовился убивать.

— Ненавижу, — прошипела словно разъярённая кошка, поправляя ночную рубашку и обходя врага по кругу, чтобы получить свободу и сбежать.

— Снова босиком, — мужчина держал своё оружие, словно играл чужой жизнью, но делал это непринуждённо и обыденно. — Надо подарить обувь принцессе.

Покраснев пуще прежнего, я побежала прочь из сада, сжимая в руках чужое оружие и надеясь на то, что меня никто не заметит.

Она: — Мы были врагами с самого начала.

Он: — Мы встретились душами.

Литмоб "Во мраке Истинности" предлагает еще одну вкусную историю

<https://litnet.com/shrt/M2J9>

Кристаллы

Ненависть, закалённая в боях, облитая кровью и чужими мечтами, даёт горькие плоды и сладкое послевкусие.

Кристалл Забвения лежал передо мной в ларце на бархатной подушечке и привлекал внимание тёмными гранями. Император Элизар сидел в моём любимом кресле и смотрел в окно, стараясь на меня не реагировать.

— За этим камнем пришлось идти к даркарам, — тянул слова отец, продолжая ловить лицом последние солнечные лучи, и наслаждался днями тёплой осени.

— Благодарю, папа, — восхищённо смотрю на кристалл, обладающий уникальной функцией. Его не надо напивать ради выполнения задачи, он само воплощение задуманного. — Он так блесит! — стараюсь оживить нашу встречу яркими эмоциями, но вижу полное безразличие на лице отца. — Папа, это из-за даркаров? — подалась вперёд и тронула руку мужчины. — Ты выяснил, кто виноват в смерти братьев?

Как малолетний ребёнок, я надеялась услышать правдивый ответ, но отец отчего-то скривился, словно ему в лицо лимонным соком брызнули. Отчего-то Элизал быстро стал собираться на выход, а я бежала вслед за ним и пыталась заглянуть в глаза, чтобы прочесть эмоции. Но император велел прочь из комнаты, бросив напоследок:

— Твоей матери этот камень пригодился бы больше. Она

до сих пор плачет. Если захочешь её навестить, тебя проведут.

Добежав до мужчины, я хотела тронуть его за руку, но лишь поймала воздух, а перед моим носом комната вновь закрылась. Теперь я заперта и вновь вынуждена развлекать себя сама.

После того как меня восьмилетнюю, похитили, а дедушка вернул, отец стал запирает меня в комнате.

Мне приносили всё, что я пожелаю, давали в услужение множество фрейлин, но я оставалась отрезана от мира и ничего не знала о политике. Меня не обучали дипломатии, а географию я знала лишь с карт в кабинете дедушки. Помню, он хвастался, что чертит империю пером, а отмечает кровью.

Родители так и не выяснили, кто именно меня украл, а я ничего не помнила, лишь ночью могла закричать или заплакать от нахлынувших чувств.

Меня украли, когда мне было восемь, а вернули домой в двенадцать лет. Дедушка привёз, сказал, что меня нашли в лесу вблизи загородного дома. Утраченная сила рода, которая позволяла владеть силой кристаллов, проснулась в единственной девочке семьи. Отец стал предполагать, что меня смогли сманить на свою сторону враги, и с тех пор меня держали либо запертой, либо под тщательным присмотром фрейлин и няни. Народу говорили, что я болею, учителей я могла только слушать, когда подслушивала за уроками млад-

ших братьев за портьерой.

Да, меня ограничивали, считая, что девочке не нужно учиться. Особенно той, кто не будет править. Но меня не смущает отношение других. Мне нравилась свобода, которую дарил сам замок. Его строили ещё мои предки и говорят, что призраки ходят между его стенами. Наверное, ходят, раз я успешно покидаю комнату и гуляю без присмотра где хочу. Хочу на кухню, хочу в комнаты братьев, хочу к родителям. Замок хранит свои секреты и лишь мне нащёптывает их в час скуки.

— Отец не просто так сказал о том, что маме плохо. Наверняка за его словами кроется приказ. — я взяла кристалл в руки и покрутила его на свету. Камень сразу отозвался и запульсировал в моих руках. Его сила, словно пёрышко, коснулась моей щеки, показывая на что способен. — Какой отзывчивый экземпляр. Значит, ты знаешь, что люди могут брать твою силу. — ещё раз взглянула на солнце сквозь грани подарка и отправилась к матери.

Стража возле дверей повела меня по залитым солнцем коридорам. Я же привыкла к тёмным и тайным лазам, поэтому шла медленно и шурилась. Моё сопровождение молчало, ковёр поглощал наши шаги, но откуда-то пробивался радостный хохот. Идя по коридору, я понимала, что звук всё ближе и ближе, и идёт он с улицы.

А вот и источник звука.

На заднем дворе, под окнами старшего брата стояло

странное сооружение на четырёх колёсах. Похоже на карету, но без верха и нет крепления для лошадей. Там, где должен сидеть кучер, стоит какая-то коробка с трубками и ещё одно колесо. Старшие братья бегают вокруг странного предмета, а в стороне стоят даркары. Самый главный даже бровью не ведёт, но внимательно и холодно наблюдает за мужчинами, которые ведут себя как дети. Даркар поднял голову, словно почувствовал меня. На его лице появилась холодная улыбка.

Взгляд даркара холоден и проникновенен одновременно. Их глаза часто тёмные, почти чёрные, будто впитывающие весь свет и отражающие бесконечную глубину космоса. Даркары обладают выраженной внутренней сосредоточенностью, которая ощущается даже на расстоянии. Когда они смотрят на вас, кажется, что видят не только внешность, но и читают мысли, изучают мотивы поступков и оценивают вашу истинную сущность. Это вызывает чувство тревоги и неуверенности, особенно у тех, кто впервые сталкивается с представителями этой расы.

Их лица лишены эмоций, выражение спокойное и невозмутимое, словно ничто не способно поколебать внутренний покой и уверенность. Взгляд даркара — это смесь силы, мудрости и скрытого знания, заставляющего окружающих чувствовать собственную незначительность и уязвимость. Этот эффект усиливается благодаря природному магнетизму и способности влиять на разум собеседника. Именно поэтому общение с даркаром требует особой осторожности и внима-

тельности, ведь их взгляд способен передать гораздо больше информации, чем обычные человеческие жесты и выражения лица.

Но я не боялась. Смотрела прямо, выпрямив спину и не поддавшись чужому влиянию.

Наши взгляды пересеклись, словно два меча схлестнулись в бою и ударившись, замерли крест-накрест. Искры полетели в разные стороны, заставив вздрогнуть даже случайных наблюдателей. Глаза в глаза: два противника, две стороны, два принципа взирают из-за острой и опасной грани. Я чувствую его присутствие, но теперь это не неприятные мурашки, а лёгкое прикосновение. Словно осознание, что даркар здесь, рядом и он никуда не уйдёт, пока не добьётся своего. Но его планы могут навредить моей семье. Я ощущаю опасность, поэтому постоянно напрягаюсь в присутствии гостя императора.

— Прошу, принцесса, — торопит охранник к императрице.

Я отвожу взгляд. Не признаю свой проигрыш, а откладываю эту партию на время. Словно у меня есть вечность на следующий выпад, и я оставляю схлестнувшиеся мечи, пока не придумаю следующий выпад.

Мама находится в комнате младших братьев. Её бледные руки сжимают одежду самого младшего из братьев. Взгляд женщины устремлён в никуда. Две фрейлины скучают, стоя у огромного окна, и хихикают, перешёптываясь. Заметив ме-

ня, они сделали книксен и замерли в ожидании.

— Выйдите, — приказываю девушкам, и те радостно покидают холодные покои. Им не хочется сопровождать страдающую мать, когда во дворе происходит что-то интересное.

— Мама, — призываю внимание бледной женщины с огромными синяками под глазами, но она молчит. Её сухие губы шепчут что-то, словно заклятие.

Достав кристалл Забвения, аккуратно активировала его способности и повесила маме на шею. Должно пройти время, чтобы камень впитал тяжёлые воспоминания, очистив человеческий разум. Вышла прочь из комнаты и вновь увидела фрейлин, те прилипли к окну и вдохновлённо охали и ахали, обмахиваясь руками, словно увидели на улице нечто экстравагантное, но отвести взгляд не могут.

— Девушки, — обратилась к фрейлинам, те нехотя обернулись с вежливыми натянутыми улыбками. — Через час снимите с императрицы кристалл, что висит на её шее. Не забудьте.

Отдала чёткий приказ и также, под конвоем стражников, отправилась в свою комнату. Но шла вдоль окон, не спеша, боковым зрением рассматривая то, что происходит на улице.

Карета без верха и лошадей страшно гудела, плевалась дымом и визжала, но главное — двигалась. Предводитель даркаров сидел на месте кучера и крутил колесо, словно рулевым механизмом, вместо вожжей. Колёса двигались по земле, словно повиновались волшебству. Старшие братья хло-

пали в ладоши, восторгались странным изобретением бескрылых драконов. Восторг и восхищение было на лицах тех, кто недавно скорбел по младшим братьям. Но я не понимала, почему карета движается.

Кристалла со сложными письменами нет. Да и кристальных мастеров уже давно никто не видел, а для установления такой сложной программы, как движение безлошадной кареты требует определённых навыков, знаний и сил.

Я замерла, понимая, что передо мной изобретение, которое не использует кристальную силу. Но это ведь противоречит всем законам!

Хотя я чувствую где-то внутри волшебные камни. Они отзываются на мою силу. Но они пусты. В них нет энергии. Их использовали как крепление или обычную деталь. Не ужель даркары придумали что-то столь великое?

Опасное!

Я опять столкнулась взглядом с даркаром. Он вытирал руки поданным влажным полотенцем и скидывал с себя верхнюю одежду, оставаясь в чёрной полурастегнутой рубашке.

Его взгляд кольнул, но не так чтобы усмехнуться или причинить боль. Нет. Он словно спрашивал, нравится ли мне увиденное.

Нет. Не нравится. Так, кристальная империя потеряет смысл своего существования — магические кристаллы. Если камни заменить на изобретения, не требующие магических ресурсов, то зачем поддерживать Императора, имею-

щего лишь эти пустышки?

Наши молчаливые взгляды говорили лучше слов. Наши рода вечность воевали и принижали друг друга, а теперь мы стоим на одной линии истории и не ведаем, что произойдёт в следующий момент. Я уверена, что даркар принесёт гибель моей семье, но отец привечает делегацию. Меня пугает хищный взгляд чужака, но его руки, плечи и шея привлекают моё внимание. Дракон, потерявший крылья, но продолжающий чувствовать себя повелителем. Он не сдался, даже став обычным человеком. Даркар здесь не для установления дружеских отношений.

Она: — Враг не может просто так отказаться от удара.

Он: — Ее держат словно в клетке.

Литмоб "Во мраке истинности" предлагает

Драконье пари

<https://litnet.com/shrt/0sZ->

Кровь

Энрике возбуждённо ходил по своей комнате и рассказывал мне и Ирен о том, какую замечательную штуку привезли даркары. В его голосе было много восхищение, а по-детски наивный взгляд сверкал предвкушением. Невеста брата сидела на небольшом диванчике в пышных юбках и смущённо прикрывала свой ротик веером. Её взгляд был направлен на меня, едва не проклиная всеми доступными способами. Я же лежала на диване, закинув ноги на грядущку и чистила апельсин маленьким ножичком для фруктов. Отношение девочки, выросшей под давлением всевозможных этикетов и правил к моей скромной персоне понятно. Её воспитывали в строгих рамках запретов, а на меня обращали внимание, лишь когда это было нужно. Меня чаще запирали, чем учили, а её заставляли стоять как по струнке и музицировать. Поэтому я выросла неудачным примером единственной принцессы Империи Кристаллов, а Ирен за характер и обучаемость сделали невестой одного из семи принцев.

— Как ты говоришь, эта штука называется? — сочная долька апельсина попала в мой ротик, и сладко-кислый сок потёк по горлу. Капельки оранжевого цвета коснулись моих губ и подарили освежающий аромат.

— Автоповозка, — важно изрёк младший братец, выходящая босыми ногами по мягкому ворсу ковра. — Нергал

сказал, что это одна из первых моделей. Представляете, мы первые, кто сможет эту повозку создавать и делать!

Я сморщилась. Не из-за того, что мне попалась кислая долька, а из-за доверчивого восхищения к кому-то из даркаров.

— Прямо отдали эти бескрылые нам технологии, которые способны озолотить, — лениво шевельнула ножкой и встала, ища, куда выкинуть шкурку и обо что вытереть ручки.

— Господин Нергал очень культурный молодой человек, — вступилась за даркара Ирен и смущённо посмотрела на своего жениха.

Братец не обратил внимание на случайный комплимент девушки и продолжил развивать свою мысль.

— Отец против того, чтобы автоповозку внедрили в Империю. Не понимаю, почему он противится, если Эвет, Эрик и Эрет спорят, в какой из областей будут начинать строить специальные заводы по её созданию. — Энрике прыгнул ко мне на диван, окончательно смяв мои юбки, и посмотрел мне в глаза. — Эвелин, ты ведь понимаешь, как важно Империи иметь эту машину. У нас осталось мало кристаллов, а те, что находят на данный момент чаще всего пустышки. Сколько ни заряжай, а никакого полезного эффекта не будет. Нужно находить новые способы поддержания своей значимости и власти.

— Поэтому ты позвал меня? — я сполоснула руки в тазике и прикрыла глаза, не имея желания вставать на сторону

даркаров.

Было в их изобретении то, что может разрушить Кристальную Империю и подвергнуть сомнению Бриллиант. Точнее, не было: в автоповозке не было магически напита́нных кристаллов. Она двигалась по новым технологиям и не поддавалась моему пониманию мироустройства. Магия для меня была не просто инструментом, а самым воздухом, который позволяет работать миру. Для меня странно ощущать магию кристаллов, но при этом не пользоваться их силой.

— Сейчас Кристальная Империя держится на твоих способностях и крупных товарооборотах. Наш дед понял, что сила кристаллов невечная, поэтому применял все знания и мощь кристаллов для подавления восстаний и подчинения. Очень много ресурсов потратил на свои походы, желая утвердить силу нашего рода на этих землях. — его взгляд стал похож на отцовский, перед тем как тот выдавал свои приказы. — Мы все должны поговорить с императором. Если мы объединимся, то нам разрешат оставить автоповозку.

Ирен вдохновившись, заплодировала, считая речь брата великолепной и стоящей внимания.

— Сожалею, но деяния дедушки прошли мимо меня. Я в то время была похищена неизвестными и о его славных походах, ради увеличения славы семьи, до сих пор узнаю. — раскинула руки, подбирая под ноги вышитую подушечку. — Думаю, отцу не понравится наше предложение. Это похоже на собрание малышей, которые хотят оставить игрушку.

Брат недовольно засопел и внезапно выдал, что от меня, как от заинтересованного лица скрыли.

— Нергал просил твоей руки и отец дал разрешение на ухаживание!

— А Бастион? — удивлённо подскочила на кровати и впилась взглядом в лицо младшего братца.

— Его приговорили. Скоро будет казнь. — отмахнулся парень от моего вопроса, как от назойливой мухи. — Я не об этом. Твою руки ещё просил... — я не слышала слов брата. Я считала, что Бастиона никто не тронет и не обидит раз он жених принцессы. — Отец и ему не отказал. Тебя пообещали сильнейшему, а по сути тому, кто больше пользы принесёт Империи. Хочешь помочь нам? Стань женой Нергала! — братец не уговаривал, а приказывал, прямо смотря мне в глаза.

— Почему Бастиона не оправдали? — не отступала от интересующей меня темы.

Я считала, что жениха быстро отпустят в связи с его вкладом в дела Империи. Статус отца Бастиона заставит людей одуматься. Император вспомнит, что хотел породниться с сыном главнокомандующего.

— Его не должны убивать, — вскочила с кровати и начала нервно заламывать руки. — Почему мне никто не сказал, — подошла к равнодушному брату и замерла, вглядываясь в его белёсые зрачки.

Казалось, что ему совершенно неинтересно то, о чём я го-

ворю. Словно внезапно начали сотрясать воздух из-за глупости.

— Погибли наши младшие братья! — резко сказал Энрике.

— Большое горе для всей Империи, — всхлипнула Ирен, моментально достав платочек из рукава и промокнув сухие глаза.

— Но не Бастион. Он ведь непричастен! — поправив домашнее платье, посмотрела в глаза младшему брату. — Он защищал!

— Как выяснили, он не сильно сопротивлялся. Травм почти нет. — начал перечислять брат, подходя ко мне ближе. — Зачем говорить, что уже решено?

— Я хочу поговорить с отцом! — резко повернулась в сторону выхода.

— Он уже вынес приговор! — крикнул в спину Энрике.

— По поводу автоповозки он тоже весьма доходчиво высказался, но вы собираетесь переубедить его. Я поддерживаю Императора в этом вопросе. Эта машина принесёт ещё много бед нашей империи!

Выскочив из комнаты, я тут же столкнулась с охранниками, которые должны везде меня сопровождать и заодно следить, чтобы я никуда не ходила без разрешения.

— Мне нужно в будуар, — пробормотала, столкнувшись нос к носу с массивным и широкоплечим мужчиной.

Охранник сделал шаг в сторону, пропуская меня в кори-

дор. Теперь мне надо сбежать и добраться до папы. К Императору просто так не попасть даже родным детям. Придётся хитрить.

Я стремительно направилась вглубь коридора, стараясь выглядеть естественно, словно прогулка была частью обычного распорядка дня. Сердце бешено колотилось в груди, мысли путались, но одно было ясно: нужно срочно увидеть отца и убедить его пересмотреть решение относительно Бастиона.

Коридоры дворца были пусты, лишь редкие слуги мелькали вдали, низко склоняя головы при моём приближении. Охрана следовала позади, соблюдая дистанцию, но достаточно близко, чтобы мгновенно отреагировать на любое отклонение от маршрута.

Что же придумать?

Как сбежать и пройти к отцу?

Нервно оглядываюсь, ища путь отхода. Знаю, что за вон той вазой скрыт потайной ход. Если отвлечь охрану, можно скрыться. Прикрыв глаза, рукой нащупываю небольшой кинжал, который недавно забрала у даркара. Клинок спокойно был прикреплён к ноге и напоминал о себе небольшим холодом металла.

Напасть? И выставить себя душой?

Нервно огляделась, пару раз вдохнула и вскрикнула, хватаясь за живот. Согнувшись пополам напротив потайного входа, посмотрела на подошедшего охранника и со слезами

на глазах, приподняла подол платья. По моей лодыжке текла кровь.

— Помогите, — пискляво простонала, смотря в глаза мужчине.

Охранник отпрянул, не понимая, кто на меня напал и что делать. На его лице появилась неестественная бледность. В глазах ужас, страх того, что единственная принцесса стоит посередине коридора и истекает кровью.

— Лекаря, — пишу, но кровь на моих ногах, пугает охранника больше, чем последствия. Мужчина не может сдвинуться с места. — Лекаря! — повышаю голос и опускаю подол.

— Да-да! — занервничал охранник и отослал напарника за лекарем. А сам продолжил смотреть на меня.

— Воды и бинтов принеси, — пытаюсь отослать второго. Но он стоит рядом, бледнеет, трясётся, покрывается потом, но выполняет свой долг. — Воды! — рываю на него, и тот словно впервые меня видит. Схватившись за собственную голову, он несётся прочь в поисках воды.

Молодцы ребята. Слаженно освободили коридор. Мне осталось только подняться и сбежать.

Недра тёмных переходов приняли меня, как родную. Я бежала так быстро, как могла, совсем забыв о болях и крови.

Надо встретиться с Императором!

"Во мраке Истинности" предлагает

<https://litnet.com/shrt/zEBS>

Стон

Что может погасить старое пламя вражды? Только новая ненависть!

Подгоняемая адреналином, я мчалась сквозь лабиринт узких проходов, пока ноги сами не привели меня к знакомой двери. Для меня это был вполне себе видимый проход, но с другой стороны это была картина моего предка. Дедушка во весь гигантский рост смотрел со стены на приходящих в тронный зал на аудиенцию к Императору. Его рост отмечался не только в сантиметрах, но и в ауре вечного завоевателя. Только благодаря ему, мы получили статус императорской семьи. Я прислонилась к узкой щели и прислушалась. Отец один? Но меня встретила тишина. Потянув за массивную ручку, я оказалась в просторном тронном зале отца — Императора. Зал был полон тишины, лишь приглушённый свет кристаллов создавал таинственное настроение.

Отец сидел на троне, погружённый в размышления, окружённый своими приближёнными. Его лицо было суровым, взгляд строгим. Когда я вошла, все головы повернулись ко мне. Император медленно поднялся, пристально глядя на меня.

— Дочь моя, — произнёс отец, голос которого звучит твёрдо и властно. — Что привело тебя? — он строго смотрел на мою непрезентабельную фигуру и косился на предатель-

скую картину, с которой на него смотрел дедушка. — Как давно ты там?

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоить дыхание и сердце, которое бешено колотилось в груди.

— Отец... — начала я, стараясь говорить уверенно, несмотря на дрожащий голос. — Бастиона нельзя казнить! — выпалила на одном дыхании и сделала пару шагов к трону, но проход мне преградил правый советник отца и его личный помощник.

Насколько родной я бы не была Императору, но отец чувствует во мне угрозу и почему-то боится. Я — девочка и единственная сила, которая у меня есть, не связана с людьми. Меня плохо обучали, и я не имею представления об истинном положении мироустройства, но отец всегда смотрит на меня так, будто не хочет поворачиваться спиной.

— Я сейчас занят, — он делает небрежный жест и несколько бравых ребят отлепляются от стены и подходят ко мне, беря в кольцо.

— Просим прощения, принцесса, вам стоит удалиться, — они вежливы, учтивы с единственной дочерью правителя, но настойчиво отодвигают меня от трона.

— Бастиона нельзя казнить! — нервно выдыхаю и топаю ногой, совсем забыв о ране.

Приближённые отца нервно посматривают по сторонам, а я упираюсь руками в широкую грудь охранника. Если окружающие забыли, меня плохо воспитывали, и я уже не подда-

юсь обучению.

— Ты задерживаешь очередь, — нервно шепчет советник.

— На кону жизнь моего друга! — кричу и уже плохо сдерживаю рвущийся наружу гнев. — Вы говорили, что это мой муж и его ничто не способно убить, а сами хотите отдать меня какому-то проходимцу!

Тусклые кристаллы начали нервно мерцать, словно отвечали на мои крики. По залу прокатился недовольный ропот. Приближённые посматривали на меня как на ненормальную, но я увидела, как в мутных глазах отца мелькнул живой интерес.

— Эвелина? — император Элизар на секунду удивился, словно увидел меня только что. — Зачем пришла? — но тут же его взгляд заволокло поволокой, и он изменился в лице. — Ты всё ещё здесь? — резко, грубо и громко крикнул Элизар.

Подданные зашевелились, а я...

— Папа, это ты? — искренне не верю в то, что происходит.

Внезапно меня касаются холодные руки. Я вскрикиваю и резко поворачиваюсь. На меня смотрит даркар своими тёмными глазами. В памяти всплывает, как легко и просто он может меня поднять, обнять, завладеть дыханием. Народ собрался и ждёт. Я для них словно перестала существовать. Наши взгляды вновь пересеклись, но сейчас я не воюю, а словно молю о помощи. Меня охватывает волнение. Мне страшно.

но. Отец не слышит меня, хотя раньше был учтив и прислушивался к моим желаниям.

— Запах твоей крови витает в залах, — прошептал мужчина, не выпуская меня из рук. Его глаза наливались тьмой, а руки были напряжены. — Что случилось?

Вокруг молчали люди. Никто не смел выгонять даркара. Словно не я королевских кровей, а он повелитель мира. Его тело и лицо становились недопустимо ближе, а сильные руки не позволяли получить свободу. Но у меня не было желания бороться с Нергалом.

— Бастиона казнят, — выдохнула на одном выдохе и ощутила, как сильные руки оторвали меня от пола.

Даркар мягко улыбнулся, понимая моё смятение. Его глаза были спокойны и уверены, в отличие от моих собственных чувств. Я почувствовала себя защищённой рядом с ним, даже несмотря на странность ситуации.

Император снова заговорил, теперь обращаясь непосредственно к даркару:

— Уведи её отсюда, она отвлекает меня от важных дел.

Его голос прозвучал устало, словно он действительно устал от всего происходящего. Подчинённые поспешили исполнить приказ, но даркар остался стоять неподвижно, продолжая смотреть на меня.

Я посмотрела на отца, надеясь увидеть в его взгляде хоть каплю понимания, но увидела только раздражение и усталость. Он махнул рукой, давая знак своим людям продол-

жить дело.

— Нет, папа, подожди! — воскликнула я, пытаюсь привлечь внимание императора. — Ты не понимаешь, что делаешь! Нельзя казнить Бастион, он невиновен!

Но мои слова остались незамеченными. Император продолжил своё заседание, игнорируя моё присутствие. Даркар тихо положил руку на мою спину, успокаивая меня. Я посмотрела на него, ища поддержки. Впервые я поняла, что в этом замке меня никто не услышит и не увидит, а даркар всегда смотрит только на меня. Нергал видит только меня и готов принять всю мою боль, эмоции и гнев без колебаний.

— Пойдём, Эвелина, — прошептал он, нежно сжимая моё плечо. — Тебе нужно отдохнуть и прийти в себя.

— Но Бастион.

— И про бывшего тоже расскажешь.

Я колебалась мгновение, но потом кивнула. Мы покинули тронный зал вместе, оставив позади суету и шум придворных интриг. Выход на свежий воздух помог немного успокоиться, но мысли продолжали кружиться в голове.

Что произошло с отцом? Почему он стал таким равнодушным и жестоким? Вопросы роились в моей голове, но ответов не было. Я знала одно: нужно что-то предпринять, чтобы спасти Бастиона и вернуть прежнего отца. Ведь именно он был тем человеком, который сделал нашу семью великой с помощью союзов, а не воин, чьё наследие теперь оказалось под угрозой разрушения.

Я буквально ощущаю, как мой дом разваливается. Даркары принесли смерть, но я не могу это доказать. Я ощущаю угрозу от тёмных иностранцев, но мои ощущения нельзя приписать в качестве обвинений.

Выйдя со мной на руках, он едва не оттолкнул прибежавшего охранника с тазом воды. Рыкнув, что-то наподобие:

— Зачем одну отпустил?

Помчался со мной в одну из первых комнат. Залетев внутрь, выгнал одним взглядом какого-то старика с молодой. Усадил меня на диван и схватился за подол платья и внезапно замер. Его рука сжимала ткань, но он не смел оголить мои ноги. Так и сидел, пока не поднял глаза и не спросил, едва не умоляя:

— Можно я посмотрю?

Отрицательно мотнув головой, откинулась на спинку дивана. После бега в тёмных потайных лазах и невероятного волнения перед отцом, я чувствовала себя слабой и подавленной маленькой девочкой.

— Он перестал со мной общаться, — подол приподняла сама и увидела засохшую кровь. Всё же, я не сильно себя ранила. Мысочек туфли лишь слегка окрасился в красный, а взгляд даркара внезапно изменился с глубокого, тёмного, на ярко-алый, почти огненный.

Мужчина рывком поднял юбку, схватил мои руки и прижал меня к дивану. Я не успела даже пикнуть, как ощутила жар от мужских рук, которые медленно и нежно шли по кро-

вавой дорожке от мысочка туфли до края нижних юбок. А за нижними юбками следовал ремешок и кинжал, который даркар оставил мне.

— Зачем? — его огненный взгляд, пропитанный драконьим пламенем, смотрел на меня, и я ощущала, как становлюсь безвольной куклой под искрами внутреннего пламени.

Мужчина сразу понял, что я сделала. Но моих действий не понимал.

— Бастиана казнят, — я ощущала, как во мне появлялось сопротивление, но... Моё тело обмякало, наливалось странной истомой и начинало гореть.

Не могу скрыть ни одного своего чувства, а похотливое желание тела легко можно было считать с того, как я начала сладко постанывать и извиваться под его взглядом.

Что со мной происходит?

— Ты его любишь? — Нергал видит моё состояние, но ведёт себя так, будто каждый день встречается с поклонницами, которые запрыгивают к нему в постель и орут, как кошки в течке.

— После того как меня вернули в семью, я стала изгоем для общества. Отец прислушивался ко мне, но подозревал в измене. Его подозрения выливались в мои ограничения. Старшие братья уже занимались политикой и своими семьями, они мало интересовались мной, а Бастиан стал первым человеком, который заговорил со мной. Я не могу его любить, он слишком дорог мне как человек. Он друг и сорат-

ник.

— Вот как?! — в алых глазах появились искры ревности.

Внезапно мужчина отпустил меня. Спокойно сел рядом, словно не он секунду назад нависал надо мной. Но моё тело стало вести себя довольно странно. Лишившись тепла огнегнегоазого, оно будто инеем стало покрываться. Каждая мышца задрожала, желая получить хотя бы одно прикосновение рук даркара. Из рта вырвался полустон, полувсхлип. Не контролируя себя, я сама залезла на расслабленного Нергала. Прильнула грудью к его широким плечам, вжалась пылающим естеством в его твёрдые бёдра и сделала пару призывных поступательных движений попкой, ощущая, как сквозь мужские штаны ко мне стремительно приближается монстр.

— Похоже, наша свадьба будет намного раньше, милая, — довольный мурчащий голос раздался над моей головой. — Никто не вправе вставать между двумя влюблёнными. — его рука по-хозяйски ложится мне на жаждущее бедро и резко прижимает к своей выпуклости. — Никто и не посмеет встать против меня. Даже Ты!

Она: — Наверное, он не такой плохой.

Он: — Как же трудно сдерживаться.

Сила

Путь завоевания всегда труден и изменчив, приходится биться и приспосабливаться. Путь проигрыша — идти по течению и ругать победителя, потому что сам не смог.

— Похоже, наша свадьба будет намного раньше, милая, — довольный мурчащий голос раздался над моей головой. — Никто не вправе вставать между двумя влюблёнными. — его рука по-хозяйски ложится мне на жаждущее бедро и резко прижимает к своей выпуклости. — Никто и не посмеет встать против меня. Даже Ты!

Что он говорит? Неважно.

Новый мир, новая глубина чувств. Хочется вжаться в мужчину, просить прощения за то, что хочу заполучить Нергала в собственность. Кожа горит, запах даркара накрывает чувства безмятежностью и полной покорностью. Его такое близкое дыхание надо перехватить, обвить своими руками ухмыляющееся лицо и...

Нергал победил. Победил всю Империю. Его алый взгляд дракона подчиняет слабых и никчёмных человечков, заставляет делать всё, что выгодно даркарам.

Даже я оседлала врага империи и готова отдаться первому встречному. Держу его лицо в своих руках, словно готовлюсь окунуться в горящую бездну драконьего пламени.

— Драконы умели подчинять слабых волю одним взглядом.

дом, — прошептала, смотря в полыхающие незримой силой мужские глаза.

— Хм? — Нергал наслаждается моей покорностью.

Слишком спокоен, слишком самоуверен, слишком силён для нескладной принцессы. Но в этой девчонке есть то, что открывает глаза на невидимые грани бытия.

Резко ударяю головой в наглый лоб и соскакиваю с насиженного места, ругаясь и потирая пострадавшее место.

— Ты! — кричу и смотрю на Нергала, который явно не ожидал, что покорённая принцесска взбрыкнёт. Мужчина шипит и злобно зыркает в мою сторону.

— Что случилось? — нервничает самоуверенный идиот.

— Может, моя воля не слабее твоего драконьего пламени? — нагло усмехаюсь и тут же немного нервно усмехаюсь. — Получается, ты околдовал отца, братьев и... Кого ещё?

Моя усмешка похожа на истеричное хлопанье ртом. Руки начинают трястись, ведь теперь я понимаю реальное положение дел империи. Отец хочет мира с даркарами. Драконами без крыльев, чьего последнего летающего дракона убил мой дедушка! Элизар ни разу не задумывался о реальном мире с почти уничтоженным горным народом, который представлял реальную опасность Империи. Но сейчас он идёт на уступки и даже пустил в свой дом этого зверя! Не просто хищника, который хочет отомстить за свою семью, а настоящего охотника, который сделает так, чтобы Император сам пришёл в ловушку!

— А тебя не могу, — нагло, спокойно, словно ни одно из моих слов не тронуло его боевую броню, произнёс дракон, а потом глянул на меня пылающим взглядом. Я тут же закрыла глаза и отвернулась.

Меня пробрал озноб и страх, липкими лапками прошёлся по коже. Словно боясь вновь потерять контроль над собственным телом, я вцепилась в собственную руку когтями. Стараясь болью вернуть себе здравомыслие, я услышала насмешливое:

— Ты ставишь себя в позицию жертвы, — тихий шёпот, с мурлыкающим грудным хрипом раздался за моей спиной. — Тебя хочется наказать, — его горячие руки легли на мою шею, обжигая своими мягкими движениями нежную кожу непозволительной близостью.

Вздрагиваю, отхожу прочь. Боюсь поворачиваться, но теперь держу глаза открытыми, стараясь предугадать следующий дурной поступок даркара. Но моё тело отчего-то дрожит в предвкушении. Ждёт нового неизведанного чувства и наслаждения.

— Вам не позволительно...

Мой писклявый голос тонет в глухой усмешке, когда мужские пальцы резко и неуволимо скользят по моей спине, притягивают в чужие объятия и упираются в подбородок. Теперь я в плену чужого желания. Захвачена опытным бойцом, обезоружена охотником, который умеет ждать и прижата спиной к самому горячему мужчине, которого я когда-ли-

бо знала. Нергал вызывает во мне странные, противоречивые чувства, но моё тело плавится в его внимании.

— А кто мне запретит? — его губы касаются мочки уха, следом под его внимание попадает шея.

— Я, — выпалила решительно, стараясь казаться уверенной и независимой перед лицом угрозы, исходящей от могущественного существа.

Но внутри всё трепещет от страха и волнения. Горячие ладони уверенно сжимают мои плечи, придавливая к твёрдой груди Нергала. Запах силы и опасности буквально парализует волю, заставляя забыть обо всём разумном и трезвом.

— Забавно слышать подобное от женщины, стоящей перед мужчиной, способным превратить её жизнь в ад одним лишь своим желанием, — негромкий голос звучит мягко, почти ласково, но угроза читается ясно.

Дрожащая ладонь тянется к моему лицу, гладит щёку, осторожно проводит пальцем вдоль линии губ. Сердце бешено колотится, ноги будто приросли к полу. Кажется, что каждая клеточка тела пульсирует в такт этому прикосновению.

— Ваше сопротивление возбуждает ещё больше, — тихо произносит Нергал, снова приближая своё лицо к моему. Губы едва касаются кожи шеи, вызывая сладкую дрожь.

«Хватит!» — мысленно приказываю сама себе, пытаюсь вырваться из цепких рук мужчины. Однако Нергал крепко держит меня, чувствуя моё напряжение и одновременно наслаждаясь им.

— Моя сила гораздо сильнее вашей воли, малышка, — шепчет дракон, нежно кусая мочку моего уха. Голова кружится, мысли смешиваются, а сердце бьётся учащённо.

И тогда я решаюсь сделать отчаянный шаг, направив весь остаток решимости на борьбу с магическим влиянием даркарского взгляда. Резким движением выворачиваю голову вбок, громко выкрикивая:

— Нет!

Однако крик растворяется в сдавленном стоне, когда губы Нергала плотно прижимаются к моим, заставляя почувствовать его горячую страсть и власть. Каждое мгновение близости усиливает желание противостоять ему и одновременно приносит мучительное удовольствие.

Раздираемая противоречиями, пытаюсь оттолкнуть мужчину, но тщетно. Напряжение нарастает, сознание мутнеет, позволяя осознать, насколько глубоко проникла сила Нергала внутрь моего сознания.

Вот так и заканчивается моя борьба с волей чудовища, победившего империю. Осознавая это, я сдаюсь, закрывая глаза и отдаваясь нахлынувшим эмоциям. Возможно, именно так и начинается конец всей Империи — маленькая слабость, ведущая к большим последствиям.

Ведь Нергал прав: никто не устоит перед ним. Ни отец, ни братья, ни вся империя вместе взятые... кроме той, кого он называл «колючкой».

— Ну вот видишь, принцесса, твои попытки сопротив-

ления лишь усиливают мою уверенность в твоей искренней любви ко мне, — лениво улыбнувшись, объявляет Нергал, отстраняя меня от своего горячего тела. Взгляд торжествующий и удовлетворённый.

Сердце болезненно сжимается от осознания поражения, однако губы невольно изгибаются в кривоватой улыбке.

— Посмотрим, долго ли продлится эта любовь, пока мы оба не окажемся вовлечены в смертельную игру власти и интриг, — бросаю дерзко, надеясь сохранить хотя бы крупицу достоинства.

Однако искра сомнения вспыхнула в глазах Нергала. Возможно, я нашла единственно верный путь борьбы с ненавистью к нему: играя в собственное поражение и показывая силу там, где он меньше всего ожидает увидеть её.

— О чём шепчут столь невинные губки? — его взгляд темнеет. Алые искры исчезают, отпуская меня из-под своего влияния.

— Ты хочешь править? У Империи полно наследников, — самодовольно произношу, словно это я произвела на свет старших братьев. — Даркар — нежеланный чужеземец. Тебя даже советником советника не сделают, — нагло улыбаюсь и приглаживаю растрепавшееся платье. — Империей правил только род, способный взаимодействовать с кристаллами. А ты — жалкий ящер, который не познал неба! — бросаю обидные слова и нагло скалюсь в холодное выражение на лице мужчины.

— Эвелина, — тяжело вздыхает Нергал. — Что же ты делаешь, бриллиантовая моя? — его взгляд тут же становится колким и проницательным. — Всему своё время, колючка, — он мягко улыбается и делает шаг назад от меня, и именно в этот момент в комнату проникает королевский лекарь и пара охранников.

Воины быстро осматривают помещение, словно пытаюсь найти хоть одну компрометирующую меня улику, но Нергал стоит слишком далеко от дивана, а я слишком прилично одета. Лекарь достаёт несколько кристаллов и начинает водить перед моим лицом.

Понимая, что это может надолго затянуться, я улыбаюсь и тихо говорю лекарю:

— У меня начались женские дни, — смущённо улыбаюсь и прячу глазки.

Лекарь знает все особенности моего организма и не придаёт особого значения моим словам. Понимает, что вру. Его цепкий взгляд замирает на моих ногах, отчего Нергал нервно переминается с ноги на ногу. Даркару не нравится мужское внимание ко мне.

— К тому же, я не желаю обсуждать состояние своего здоровья рядом с посторонними людьми, — кидаю колкий взгляд в сторону даркара.

Охранники посмотрели в сторону, куда я смотрю с высокомерной ухмылкой и немного удивлённо переглядываются между собой.

— Вы кого-то там видите, барышня? — спокойно, но с некоторой опаской спрашивает лекарь. Его рука прикасается к моей голове, словно пытается найти повреждения, заглядывает в глаза, наблюдая за зрачками. — Вы головой не ударились?

— Разве вы не видите? — не понимаю, почему меня разыгрывают подчинённые отца.

— Она о ком? — слышу шёпот охранников и их искреннее непонимание.

Не веря своим глазам, отдаю внимание самоуверенному, улыбающемуся мужчине. Дракон без крыльев наслаждается моментом моей беспомощности. От него исходит пугающая сила. Аура победителя, завоевателя, поработителя. Он делает так, чтобы всё ему доставалось без лишнего урона. Но отчего же я не поддаюсь его воле?

— Вам надо отдохнуть, — как малышке сообщает лекарь и аккуратно берёт за руку, словно боится, что я начну драться с воздухом. — Восстановите силы в личных покоях.

От Нергала отходит подавляющая энергия. Она давит на плечи, затрудняет дыхание, затуманивает сознание. Она словно тёмный дым перекрывает ход не только кислороду, но и собственному разуму. Словно пелена ложится на глаза, а виски обхватывает раскалённый обруч. Он слишком силен и уже распространил своё влияние на служителей империи.

Она: — Как бороться с тем, кто уже выиграл?

Он: — Как не свернуть с намеченного пути ради колючки?

Холод рядом

Неизвестное будущее, как прыжок в бездонную тьму: страшно, но захватывает с каждым новым метром. Хочется кричать: от страха, неуверенности, предвкушения, наслаждения, победы над собой.

Меня оставили одну. Совсем одну в собственной комнате. Я ощущала тревогу, словно покинула поле для дуэли, не узнав кто на самом деле выстрелил первым. Рядом со мной тут же появилась няня. Старенькая, скромная и спокойная женщина всегда сопровождала моменты моего одиночества, но я знаю, что каждый мой взгляд или настроение замеченой этой тихой мышкой передаётся отцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.